

Я чувствовал, что в Сяоцянь тоже скрыта какая-то тайна. Быть может, она происходила из знатного рода?

Впрочем, её простодушный вид, её милая непосредственность, напоминающая Фэн Баобао, никак не вязались в моём сознании с высокопоставленными особами.

Я покачал головой, отгоняя эти мысли.

У каждого есть свои секреты, даже у супругов.

Стоит дать ей немного личного пространства. Подумаю об этом позже, когда разберусь с делами отца.

Пока я размышлял, она доела.

Сяоцянь довольно икнула:

— Не зря я сама готовила. Очень вкусно! Неужели это и есть еда из мира живых?

Я усмехнулся:

— Ещё бы. В этом мире столько деликатесов! Со временем я перепробую с тобой всё самое вкусное, мы отведаем абсолютно всё, что имеет хоть какой-то вкус.

Глядя, как при этих словах загорелись её прекрасные глаза, я добавил:

— Обязательно своди меня, не вздумай обмануть.

Я кивнул, подтверждая свои слова.

Она радостно подхватила чашку и убежала мыть посуду.

Я смотрел ей вслед, погрузившись в оцепенение.

На самом деле я не сказал ей, что для моего аппетита эта порция лапши — капля в море. Впрочем, я был сыт процентов на семьдесят.

Я не жадный. Я просто хотел, чтобы Сяоцянь вкусила земной еды. Чтобы она поняла, как прекрасен этот мир.

Она слишком долго жила в мрачных дворцах и гробницах эпохи Тан. Это было несправедливо по отношению к ней.

Я с улыбкой покачал головой и вернулся в свою комнату.

Дверь скрипнула.

Сяоцянь, оставшись на кухне, проводила меня взглядом, и в её глазах мелькнуло что-то странное.

— Глупыш, у призраков нет вкусовых рецепторов, они не чувствуют вкуса еды. Но... раз уж ты обещал меня накормить, не смей нарушать слово.

Закрыв дверь, я не стал бездельничать.

Я лёг на кровать, подложив руки под голову, и уставился в потолок безжизненным взглядом. В памяти невольно всплыли последние слова отца.

Сопоставив их с его прежними поступками, я выстроил в голове целостную картину. Многие вещи, казавшиеся раньше непостижимыми, теперь обрели смысл.

Отец говорил, что он — Небесный наставник с горы Лунху. И был им ещё двадцать лет назад.

Заметьте, он сказал именно Небесный наставник, а не просто даос. Очевидно, что ранг Небесного наставника куда выше. Если он занимал его двадцать лет назад, значит, отец был человеком выдающимся.

Раньше он вечно хвастался, что он главный на горе Лунху. Я всегда думал, что он просто мелет чепуху, но теперь понимаю — похоже, он говорил правду.

Люди устроены странно: они часто не верят в нелепую правду.

Небесный наставник, разумеется, не боится призраков. Он их изгоняет.

Теперь становится понятно, почему, глядя фильм ужасов Проклятие, он лишь пренебрежительно хмыкал и заявлял, что разделался бы с десятком таких тварей. С его точки зрения, он — носитель истинного мастерства, а кино — лишь вымысел, сущая детская забава, не стоящая внимания по сравнению с его двадцатилетним опытом.

Должен признать, отец был великолепным актёром. Если бы он снимался в кино, точно получил бы Золотую статуэтку.

С самого моего рождения я не замечал ничего странного и считал отца обычным крестьянином. Он и выглядел как крестьянин. Откуда мне было знать, что всё это — лишь роль?

Но реальность оказалась для меня неожиданной.

Кто-то спросит: смирился ли я теперь?

Отвечу лишь одно: хочешь не хочешь, а смириться придётся.

С самого детства каждое слово отца было правдой, он никогда не шутил. Это я сам не верил. Люди часто становятся заложниками стереотипов и, столкнувшись с невероятной правдой, по привычке объявляют её ложью.

Сейчас это кажется смешным.

Я потряс головой, отгоняя лишние мысли.

Что сделано, то сделано, назад пути нет. Придётся двигаться шаг за шагом.

Я продолжил восстанавливать хронологию событий, ведь дело было не только в мести за отца, но и в моём собственном смертельном роке. Нужно было во всём разобраться.

Двадцать один год назад, то есть девятнадцать лет назад, в невзрачной деревне Цзеши в провинции Цзянси случилась беда.

Сначала вода в колодцах стала кроваво-красной.

Затем жители, отведавшие этой воды, начали один за другим слечь. Боли в животе, болезни, смерть прямо в постели. Трупы выглядели ужасно: иссохшие, словно из них выпили всю кровь, оставались лишь обтянутые кожей кости.

Деревню охватил страх, повсюду слышались рыдания.

Мало того, по ночам начали раздаваться странные звуки. Что-то среднее между смехом и плачем. От этого звука бросало в дрожь, а по спине бегали мурашки.

Этот вой повторялся каждую полночь ровно пятнадцать дней подряд.

С тех пор как начались эти звуки, из деревни каждый день выносили покойников. Бумажные цветы для погребения устилали землю, их никто не убирал, потому что на следующий день появлялись новые.

Первые семь дней смертей было немного. Но в последующие восемь дней в этом вое послышалось что-то еще. Звук, похожий на скрежет цепей по каменному полу.

Деревня Цзеши была бедной, полы в домах — земляные. Никаких каменных плит там отродясь не было. Люди шептались, что это цепи посланников преисподней, пришедших за душами.

Стоило этому слуху распространиться, как в деревне началась паника. Рыдания не смолкали ни днём, ни ночью, деревня превратилась в обитель призраков.

Как и следовало ожидать, в последние восемь дней число смертей резко возросло. На окраине деревни выросли холмики новых могил. Умирали в основном молодые и крепкие, способные работать. Остались лишь старики, женщины и дети, лишённые средств к существованию. Деревня нищала, помощи ждать было неоткуда, и люди продолжали умирать один за другим.

Это был конец рода.

Староста понял: дело плохо. С того самого дня, как раздался странный вой, в деревне не выпало ни капли дождя. Палило солнце, деревня превратилась в печь. Дома в Цзеши стояли по кругу, жар заходил внутрь, но не выходил наружу. Жить там стало невозможно.

К тому же в деревне катастрофически не хватало воды, а колодцы были отравлены.

Урожай гиб под палящим солнцем. Смерть была неизбежна.

Когда староста услышал от детей, что те видели по ночам высокую фигуру ростом в четыре чи, он ударил кулаком по столу, собрал оставшихся крепких парней и отправился на гору Лунху, чтобы на последние деньги нанять даоса.

Даос, едва ступив в деревню, нахмурился.

Слишком тяжёлая аура зла.

Это либо свирепый призрак, либо летающий цзянши.

Меч из персикового дерева за спиной даоса начал мелко подрагивать.

С тяжёлым лицом он велел старосте и жителям не выходить по ночам — он собирался

сразиться с нечистью.

Староста, человек простой и доверчивый, кивнул, разогнал людей и достал лучшие припасы, чтобы угостить даоса.

Пока даос ел, староста рассказал ему подробности: про ночные крики, цепи, четырехфутовую фигуру и засуху.

Даос, пережёвывая маньтоу, сразу понял, в чём дело. Он отложил еду и сказал старосте:

— На юге есть существо ростом в два-три чи, с обнажённым телом, глазами, смотрящими вверх, и скоростью ветра. Зовётся оно Ба. Где оно появится — там великая засуха и тысячи ли выжженной земли.

— Вы хотите сказать... что это Ханьба? — дрожащим голосом спросил седовласый староста.

В детстве он слышал легенды о битве с Ханьба, но думал, что это сказки. Теперь же, столкнувшись с реальностью, он невольно связал всё воедино.

— Это Ба, но не Ханьба, — ответил даос. — Четыре чи роста... судя по всему, это цзянши. Летающий цзянши.

Летающий цзянши питается человеческой кровью, невероятно быстр и обладает чудовищной силой. Он передвигается прыжками, но так быстро, что кажется, будто он летает. Его тело покрыто шерстью, которая при беге встаёт дыбом, напоминая чёрные крылья. Поэтому его и называют летающим цзянши.

Это не обычный мертвец, его трудно поймать. Если сравнить Ба с трёхлетним ребёнком, то летающий цзянши — это взрослый мужчина. С ним справиться гораздо сложнее.

Староста в ужасе начал умолять даоса спасти деревню:

— Даос, умоляю, спасите нас! Моя жизнь — грош цена, но дети — это наше будущее! Они ещё так молоды! Я знаю, что бороться с цзянши опасно, у нас самих нет такой силы. Вся надежда на вас! Сколько вам нужно? У нас осталось немного сбережений, мы займём, если не хватит, только помогите нам! Прошу вас!

Рыдая, староста низко поклонился, готовый упасть в ноги.

<http://bllate.org/book/20634/2063870>